JEL: A12, O30, R10
УДК 330

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.101-123>

Категория места в современной теории экономического пространства

С.В. Наумов, А.А. Ермоленко

Наумов Станислав Валерьевич
кандидат экономических наук
независимый исследователь
E-mail: st.naumov@outlook.com
ORCID: 0000-0002-3568-3783

Ермоленко Александр Александрович
доктор экономических наук, профессор
профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление»
Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, 2, Краснодар,
350000, Российская Федерация
E-mail: ermolenko_alex@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-9344-2518

Аннотация. Среди направлений и проблем, активно развиваемых в современной экономической теории, значительное место занимают различные аспекты исследования экономического пространства, что в условиях обострения глобальной конкуренции связано с поиском новых возможностей приращения конкурентоспособности национальных экономик. Сегодня становится все более очевидным, что теория экономического пространства содержит значительный потенциал, важный для понимания и раскрытия процессов и эффектов современных социально-экономических преобразований. Конкретным проявлением такого малоисследованного потенциала является категория «место», представляющая весьма плотную «матрицу», через которую проходят и пересекаются многие особенности экономического пространства. Поэтому раскрытие особенностей категории «место» оказывается тесно связанным с расширением поля научного поиска и преодолением междисциплинарных границ. В центре внимания авторов оказываются такие проблемы, как оценка состояния теории экономического пространства в контексте современных социально-экономических преобразований; определение «места» как одной из фундаментальных категорий теории экономического пространства; раскрытие новых возможностей места в развитии экономического пространства в современных условиях; разработка новых направлений развития теории экономического пространства на основе реализации указанных возможностей; прикладные задачи, возникающие в связи с разработкой категории места в теории экономического пространства. Через призму категории места авторы исследуют проблемные узлы и противоречия современных социально-экономических преобразований, оценивают эффекты, возникающие на различных уровнях данных процессов, оценивают имеющийся инструментарий

решения соответствующих прикладных задач. В статье содержатся рекомендации по модернизации пространственных аспектов государственной экономической политики и публичного управления. Полученные авторами результаты относятся к одному из новых и перспективных направлений междисциплинарного научного поиска, что обуславливает существенную новизну и дискуссионный характер представленных в статье положений, выводов и рекомендаций. В исследовании использованы познавательные ресурсы системного подхода, диалектического метода, а также ряда современных научных теорий: когнитивной экономики, социально-экономических трансформаций, человеческого капитала, эволюционной и институциональной теорий и др.

Ключевые слова: система, пространство, место, встраивание, интеграция, локализация, сценарии, развитие, преобразования, экономика, распределение

Для цитирования: Наумов С.В., Ермоленко А.А. Категория места в современной теории экономического пространства // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 101–123. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.101-123>

Category of Place in Modern Theory of Economic Space

S.V. Naumov, A.A. Ermolenko

Stanislav Valeryevich Naumov
Candidate of Sciences (Economics)
Independent Researcher
E-mail: st.naumov@outlook.com
ORCID: 0000-0002-3568-3783

Alexandr Alexandrovich Ermolenko
Doctor of Economics, Professor
Professor of ‘Public and municipal management’
Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St., Krasnodar, 350000, Russian Federation
E-mail: ermolenko_alex@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-9344-2518

Abstract. Various aspects of spatial economics have taken a meaningful place among actively evolving directions and issues of current economic theory, in the context of aggravated global competition driven by searching out new opportunities for building up the competitive performance of national economies. It is now becoming apparent that the theory of economic space has a great potential key for understanding and elucidation of processes and effects of ongoing socio-economic transformations. A particular manifestation of such a potential to be better explored is the category of place representing quite a dense matrix where various features of economic space meet and intersect. Therefore the elucidation of the place category is closely tied with extending scientific inquiry and shaping an interdisciplinary discourse. The authors focus on assessing the

state of spatial economics in the context of current socio-economic transformations; defining place as a fundamental category of this theory; opening up new possibilities for location in actual spatial economy; setting new trends in spatial economics through implementation of the above capabilities; and applications arising from place category findings in the economic space theory. From the perspective of place category the authors explore the bottlenecks and inconsistency of modern socio-economic transformation processes, evaluate their effects at different levels, and assess available tools for the corresponding applications. The article offers recommendations for upgrading spatial aspects of the state economic policy and public management. The obtained results refer to a new and promising direction of the interdisciplinary scientific inquiry warranting the essential novelty and polemical character of the provisions, conclusions and recommendations presented in the article. The study employs the educational resources of the systemic approach, the dialectical method and some contemporary scientific theories such as cognitive economics, socio-economic transformations, human capital, evolutionary and institutional theories, etc.

Keywords: system, space, place, embedding, integration, localization, scenarios, development, transformations, economy, distribution

For citation: Naumov S.V., Ermolenko A.A. Category of Place in Modern Theory of Economic Space. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 101–123. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.101-123> (In Russian).

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Тенденцией развития современной экономической теории является ее стремление к системной самоорганизации и формированию органической целостности, что предполагает постоянный поиск более глубоких оснований данной теории, которые открывают новые возможности извлечения знаний о разных аспектах общественно-хозяйственной жизни. Одним из результатов такого поиска стала категория экономического пространства, использование которой в процессе исследования существенно обогащает экономическую картину современного мира (Наумов, 2019). Хозяйственная деятельность находит свои предпосылки, иницируется, функционирует и развивается в конкретном пространстве, наделенном ресурсами и общими условиями ее осуществления. Пространство отнюдь не безразлично к той экономике, которая в нем существует, предоставляя ей преимущества или создавая для нее сложности, например, в отношении обеспеченности необходимыми ресурсами или в отношении климатических условий и возможности создания соответствующей инфраструктуры. Оно задает условия доступа к источникам исходных ресурсов, а также к рынкам сбыта, обуславливает устойчивые стереотипы поведения людей, которые в нем постоянно проживают, предопределяя тем самым те комбинации видов деятельности,

которые могут получить развитие в тех или иных его частях. Наконец, экономическое пространство является источником выгод, обусловленных аккумулярованием производственных процессов в его пределах (Fog, 2013; Capello, 2019).

Интерес к исследованию экономического пространства связан также с преодолением традиции приоритета времени в теоретических исследованиях, сложившейся еще во времена А. Маршалла, полагавшего, что эффект времени является более значимым, чем эффект пространства (Marshall, 1920). Благодаря современным преобразованиям раскрывается способность экономического пространства определять не только структурные компоненты экономики (размещение и др.), но и ее динамические характеристики. Важным для обеспечения органической целостности экономической науки является возможность интегрировать в теории экономического пространства такие направления экономических исследований, как теория размещения и теория регионального роста (развития). В данном отношении знаковым является то, что существующая концепция пространства, получившая необходимое признание научного сообщества, квалифицируется как диверсифицированная и одновременно реляционная, что позволяет ей служить своеобразным «мостом», обеспечивающим взаимное обогащение двух указанных выше традиционных направлений научных исследований (Capello, 2019).

Становление категории экономического пространства одним из глубоких оснований современной экономической теории позволяет по-новому оценить вклад, внесенный представителями различных направлений и школ пространственно-хозяйственных исследований, обеспечить сближение и продуктивное взаимодействие между полученными ими результатами, что, в свою очередь, дает возможность извлечь синергетические эффекты при формировании новой экономической картины мира. Вместе с тем, формируя теорию экономического пространства, мы приходим к новому пониманию предметной области, метода исследования и принципов построения всего древа экономической теории, одним из значимых ветвей которого становится указанная теория. При этом никуда не исчезают различия между научными результатами, полученными на разных исторических уровнях исследования экономического пространства, например, в рамках исторической школы пространственных исследований (Тюнел, 1926), в рамках разработки направлений пространственной организации хозяйства и экономического районирования в условиях централизации экономики (Колосовский, 1969; Леш, 2007; Гранберг, 2003), а также в рамках институционального направления социально-экономических исследований (Бродель, 1988).

Обобщая указанные результаты под углом зрения теории экономиче-

ского пространства, выделим следующие основные свойства данного пространства:

- оно представляет собой территориально-хозяйственную систему, формирование и развитие которой обусловлено взаимодействием между природой и обществом;
- фундаментальными институционально-хозяйственными характеристиками данной системы выступают протяженность, наполненность природными ресурсами и факторами производства и равномерность их распределения, плотность населения и равномерность его распределения, обеспеченность элементами инфраструктуры, зональность, степень освоения, удаленность от ранее освоенных территориально-хозяйственных систем и др.;
- пустое пространство, еще не заселенное людьми, обладает лишь скрытым потенциалом развития территориально-хозяйственной системы, притягательным лишь для его первооткрывателей и разработчиков;
- важнейшими факторами продуктивности экономического пространства выступают его место в системе общественного разделения труда, хозяйственная активность населения, уровень развития компетенций занятых, качество и количество имеющихся ресурсов и факторов производства, уровень развития пространственной инфраструктуры;
- фундаментальную роль в формировании и развитии территориально-хозяйственной системы играет ее минимально возможный целостный элемент, обладающий всеми ее признаками – «клеточка» экономического пространства, которая обозначается с помощью различных понятий, среди которых таксон и др.;
- среди комплекса задач организации экономического пространства выделяется приоритетная задача его районирования – выделения по естественным и социально-экономическим признакам ряда относительно однородных частей, а также создания институционально-хозяйственных условий для их развития, в том числе механизмов управления экономическими районами;
- движение экономического пространства неотделимо от движения экономического времени: в пространстве осуществляется координация сосуществующих объектов и процессов; время обеспечивает последовательность смены их состояний. Их взаимодействие образует пространственно-временной континуум, в котором происходит развитие общественного хозяйства;
- различия сторон пространственно-временного континуума проявляются в соотношении двух форм организации общественно-хозяйственной жизни, в которых проступает асимметрия времени и пространства: в одном случае результаты территориально-хозяйственной системы в основном определяются фактором времени, в другом – фактором пространства. В

первом случае такая система локализована в относительно небольшом пространстве, динамична и ориентирована на перемены, и мы имеем дело с «экономикой времени», во втором случае система локализована в большом пространстве, инерционна и ориентирована на сохранение статус-кво, и мы имеем дело с «экономикой пространства».

Ускорение преобразований в последние годы привело к тому, что скорость изменения экономической реальности стала значительно опережать темпы ее изучения. В итоге глобальная рецессия 2008–2009 гг. и утвердившаяся после нее в мире новая экономическая реальность обозначили некоторый порог меры в развитии экономических теорий, за которым многие их канонические положения, ранее претендовавшие на роль прочных оснований «точной науки» по аналогии с основаниями физики или химии, обнаружили свою несостоятельность в столкновении с качественно новыми фактами. Настало время глубокого переосмысления основных положений и выводов всех компонентов современных экономических теорий, в том числе сложились необходимые условия для преобразования теории экономического пространства, и прежде всего, для избавления ее от иллюзорных представлений и ложных канонов, не выдержавших испытания динамичными и глубокими преобразованиями. Изменяются укоренившиеся представления о месте и роли многих категорий в составе данной теории – одни из них отходят на второй план или переходят в разряд архивных, другие, наоборот, возвышают свое значение.

Вместе с необходимостью глубокого переосмысления основных положений и выводов теории экономического пространства стала очевидной потребность в расширении ее границ. Прежние требования обеспечить чистоту собственно экономического исследования пространственных аспектов общественного хозяйства стали «прокрустовым ложем» для развития современных научных исследований в данной области, стремящихся выйти за ранее положенные границы. В качественно новой ситуации выявилась невозможность получить ответы на жизненно важные вопросы организации территориально-хозяйственных систем без учета трансграничных по отношению к «чистой» теории экономического пространства этических, географических, психологических, правовых, политических и иных аспектов, от которых она пыталась отвернуться прежде.

Существенным сдвигом в понимании экономического пространства стало восприятие его как формы не только объектного, но и субъектного бытия экономики. Это означает, что экономическое пространство обладает собственным субъектным потенциалом, реализует и воспроизводит его, теряя или наращивая свои созидательные возможности, формируя соотношения между субъектной и объектной сторонами общественно-хозяйственной

жизни, распределяя как вещественные ресурсы, так и ресурсы субъектно-го характера, относящиеся, например, к различным способам управления, институционального упорядочивания и др. Тем самым экономическое пространство раскрывает свои экзистенциальные стороны и свойства, выявляя «присутствие» в нем компонентов культуры, ценностей, социальных норм и др.

Утверждение нового восприятия экономического пространства происходит через изменение соответствующих понятийных конструктов, концептуальных представлений, а также посредством включения результатов такого изменения в современную научную картину мира. Выделим в данном отношении:

- углубление концептуальных представлений об экономических пространстве и времени как взаимосвязанных проявлениях материи общественно-хозяйственной жизни, системно-диалектическую разработку мировоззренческого категориального узла данной теории: «общественно-хозяйственная деятельность – экономическое пространство – экономическое время» (Овчинников, Колесников, 2008; Минакир, 2014);

- утверждение расширительной трактовки территориально-хозяйственных систем, обеспечивающей соответствие предметной области данной теории потребностям современного развития (Минакир, 2014);

- разработку метода данной теории в русле системного подхода с привлечением познавательных возможностей диалектического метода, институциональной и эволюционной экономических теорий, а также теорий социально-экономических трансформаций, когнитивной экономики и др.;

- формирование и развитие представлений о саморазвитии территориально-хозяйственных систем и его противоречиях, а также о субъектном потенциале, продуктивности и способности данных систем встраиваться в более сложные системы (Скибицкий, 2012; Наумов, 2013; Наумов, 2019);

- разработку основных траекторий развития территориально-хозяйственных систем в условиях новой экономической реальности, обоснование возможности выбора ими особых путей развития на «развилках» эволюционного процесса (Арриги, 2006; Бодрунов, 2014);

- раскрытие функциональных и структурных изменений в экономическом пространстве, обусловленных современными преобразованиями, оценку возможностей его трансформации по властной «вертикали» и по рыночной «горизонтали», возникающих в новой экономической реальности (Минакир, 2014);

- углубление представлений о «клеточке» экономического пространства, обладающей всеми признаками территориально-хозяйственных систем и имеющей фундаментальное значение для раскрытия их возможно-

стей и ограничений, а также для моделирования их развития (Ермоленко, Брижак, 2017);

- раскрытие особенностей взаимодействия между двумя типами территориально-хозяйственных систем – «экономикой времени» и «экономикой пространства» – на современном этапе развития, оценку возможности их сближения под воздействием глубоких технологических сдвигов и связанных с ними социально-экономических преобразований, определение их сильных и слабых позиций в контексте новой экономической реальности (Мамедов, 2001; Мамедов, 2017).

В приведенных выше научных результатах так или иначе прослеживается необходимость фокусирования исследования экономического пространства на выделении его некоторой локальной целостности, которой присущи все его основные свойства. Такое фокусирование позволяет увидеть открывающиеся здесь перспективы, решить качественно новые задачи, характерные для современных постиндустриальных преобразований. Осуществляя его, мы приходим к категории места.

КАТЕГОРИЯ МЕСТА В ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Категория «место» имеет давнюю историю. Она была введена в оборот научного исследования древнегреческими мыслителями, выявившими потребность в понятии (топос, общее или объединяющее место), отражавшем особенности определенных частей населенного пространства, чему способствовало наличие в относительно небольшой Греции множества территорий, обладавших ярким своеобразием климата, рельефа, природных ресурсов, способностей, потребностей и нравов населявших их людей (Платон, 1992). Отметим, что топос четко фиксирует неразрывную связь конкретной части пространства с населяющим ее человеческим сообществом, в рамках которой пространство и люди взаимодействуют, преобразуя друг друга и наполняя содержанием складывающуюся здесь территориально-хозяйственную систему. Указанное обстоятельство определяет смысловое значение места – речь идет о конкретных координатах экономического пространства, в которых осуществляется некоторая общественно-хозяйственная связь между людьми, обеспечивающая их вовлеченность в экономику. Место, в котором мы существуем, определенным образом включает нас в хозяйственную жизнь общества.

Ясность и простейшая целостность представлений мыслителей древности не устояли перед напором изменений Нового времени. Это в полной мере относится и к представлению о месте, которое в условиях становле-

ния и развития капиталистического производства дифференцировалось и обрело множество смыслов; выделим в данном отношении представление о «клеточке» экономического пространства, а также представление о многообразии местных условий развития хозяйства и извлечения прибыли (Бродель, 1988; Арриги, 2006; Гульбасов, Чекмарев, 2006; Матвеев, 2011). В развитии экономической мысли России, где общественное хозяйство опиралось на отношение власти – собственности, представление о месте было тесно связано с понятийными конструктами, характеризовавшими формирование и реализацию пучка отношений власти: передача дел сверху на места, местничество служителей власти, кормящее место, поместье, произвол на местах и др. (Посошков, 2003; Иншаков, Фролов, 2005).

Дифференциация обуславливает переход к более абстрактным представлениям, своеобразное обеднение того, что было в исходном пункте. Простейшая целостность исчезает, что зачастую сопряжено с негативными эффектами теоретического и прикладного характера. Своеобразный апогей в данном отношении был достигнут в русле «main stream» современной экономической науки, где место стало какой-то предельно абстрактной частью хозяйственного пространства, инертной и совершенно безразличной к тому, кто ее населяет, что и как в ней производят, распределяют, обменивают и потребляют (Foster, 1987; Capello, 2019). В русле «main stream» категория места свелась к нейтральной, «чистой» возможности пространственного размещения какого-то экономического содержания, которое привносится извне, наполняя соответствующую часть пространства ресурсами, процессами и результатами хозяйственной деятельности. Указанная редукция позволяет вписать категорию места в концепцию абстрактного экономического пространства, сторонники которой доводят до предела возможности абстрагирования в исследовании соответствующих характеристик общественно-хозяйственной жизни, раскрытые в свое время экономической теорией (Вальрас, 2000). Это позволяет избавиться от «излишней» содержательности экономического пространства и благополучно свести его к некоей совершенно очищенной от связи с реальностью, умозрительной логической конструкции, которая, как справедливо отмечается в современной литературе, не обеспечивает потребности процесса восхождения от абстрактного к конкретному, то есть потребности формирования соответствующей системы научной теории (Бияков, 2005).

Осмысливая эти метаморфозы, отметим, что доведение до предела абстрагирования в определении категории места, вымывание из него содержания было обусловлено полным подчинением научных представлений о соответствующем феномене утилитарным целям извлечения прибыли. Развитие теории здесь было принесено в жертву техногенным и иным пере-

косам и разрывам в экономическом пространстве, сложившимся в ходе глубоких технологических сдвигов. Если признать, что места как в объектно-вещественном, так и в информационном (цифровом) экономическом пространстве пусты и совершенно безразличны к тем процессам, которые на этих местах осуществляются, то получается, что пространство полностью отделяется от субъектов, которые в нем хозяйствуют. Благодаря такому опустошению места в таком пространстве теряют свою экономическую определенность, становясь совокупностью площадок для реализации интересов крупных корпораций, амбиций властных структур или хищнических устремлений субъектов малого и среднего бизнеса, что пытаются скрыть от общества с помощью различных инструментов. Результатами потери экономической определенности мест пространства становятся пустоши, обмелевшие реки, бескрайние мусорные полигоны, горы отвалов в местах добычи полезных ископаемых, провалы, подтопления и др.

В итоге выхолащивание смыслового содержания из категории места в экономической теории практически оборачивается отчуждением множества реальных мест экономического пространства от человека и вызывает к жизни соответствующие последствия: утрату мотивации работников к творческой деятельности, обезличивание и формализацию отношений в коллективах, перспективу замещения человеческих рабочих мест местами для роботов и т. п. Переход порога меры в накоплении указанных выше результатов привел к тому, что в последние годы исследователи, которые внесли ключевой вклад в формирование основ теории экономического пространства, указывают на неадекватность новым экономическим реалиям ряда представлений о данном пространстве и его местах, сформировавшихся в условиях глобальной интеграции (Krugman, 2017). В характерных для новой реальности условиях острой пространственной конкуренции определенные, совершенно конкретные места экономического пространства стали полем борьбы интересов, активного конкурентного противостояния, поскольку они наделены возможностями формирования конкурентных преимуществ. При этом указанные возможности постоянно изменяются в ходе современных преобразований. Такие изменения нашли отражение в активном продвижении понятийного конструкта *place marketing* (маркетинг места, конкретной территории), сформированного в русле англосаксонской научной традиции исследования экономического пространства (Шумахер, 2015; Meen, 2016). Представляется, что указанный конструкт конкретизирует и преломляет понятие места сквозь призму рыночного продвижения возможностей формирования конкурентных преимуществ, которыми наделены соответствующие «топосы» экономического пространства.

Так, в последние годы резко возрос интерес к местам развития бизне-

са, находящимся в экологически чистых зонах периферии крупных городов, а также на линиях интеграционного взаимодействия двух или нескольких агломераций. Вместе с тем, возрос спрос на места в потерявших свое прежнее значение старых индустриальных зонах городов, поскольку преобразование сохранившихся здесь промышленных объектов позволяет раскрыть новые функциональные возможности городского пространства. В изменившихся условиях попытки опираться на прежние обезличенные представления о месте экономического пространства могут привести лишь к резкому обострению экологических, производственных, маркетинговых и иных социально-экономических проблем, свидетельствами чему стали, например, выгорание миллионов гектаров сибирской тайги и «мусорный» кризис в отечественной экономике.

Значимость переосмысления прежних представлений о месте экономического пространства возрастает, когда во взаимодействии процессов глобальной интеграции и национальной локализации обозначился разворот – силы локализации на какое-то время взяли верх, что привело к сворачиванию ряда трансграничных проектов, распаду или ослаблению многих интеграционных структур, фокусированию на внутренних ресурсах развития. Приведем аргументы в пользу сформулированного выше предположения.

Первый из таких аргументов относится к практике развития территориально-хозяйственной системы России, где в современных условиях сформировалось следующее противоречие (Минакир, 2014):

- с одной стороны, обострение глобальной конкуренции, внешние ограничения доступа к ресурсам развития и внутренние бюджетные ограничения предполагают изменение ее пространственной организации для формирования новых конкурентных преимуществ, роста доходов и инвестиционной привлекательности страны. В этом случае правомерно ожидать максимизацию экономических эффектов пространственной организации национальной экономики, а также создание и развитие на местах продуктивных пространственных образований, востребованных рынком, или ER-пространств. Для этого будут востребованы прикладные возможности маркетинга мест, то есть возможности территориальных властей совместно с маркетинговыми организациями продвигать конкретные места имеющегося экономического пространства, предлагая их участникам рынка, заинтересованным в формировании связанных с такими местами конкурентных преимуществ;
- с другой стороны, власть-собственность как опорное отношение данной системы нуждается в пространственной организации, подчиненной логике развития власти, ее механизмов управления и идеологии, что предполагает: совершенствование стандартов администрирования, выполнение требований формальной однородности управляемых пространственных образований. В

этом случае правомерно ожидать возникновение и развитие на местах политически целесообразных AR-пространств (элементов дополненной в соответствии с интересами власти реальности, обеспечивающей потребности устойчивого воспроизводства механизмов политического господства).

Такое противоречие обусловило двойственность отечественной экономической политики в области пространственных преобразований, лозунгом которой стало «опережающее развитие» на местах, то есть ускорение эволюционного процесса на отстающих, по данным статистического учета, территориях (административно выделенных регионах-субъектах страны). Этот лозунг на деле означает властное требование ускорения экономического роста на указанных территориях на основе создания «зон опережающего развития». Известно, что опережающее развитие возможно лишь при условии естественного притяжения хозяйственной деятельности отстающих территорий к местным центрам роста – мощным ядрам территориального воспроизводства. Но такую конструкцию невозможно создать в системе экономики, опирающейся на отношение власти-собственности и уповающей на всемогущество административного ресурса.

Наличие множества экономически слабых, отстающих мест обрекает все экономическое пространство, всю территориально-хозяйственную систему России на снижение глобальной конкурентоспособности и место в зоне глубокой периферии мирового хозяйства. Негативный синергетический эффект переплетения совокупности местных проблем во внутренней среде данной системы обеспечивает ухудшение ее места в мировой «табели о рангах».

Второй аргумент заключается в том, что российская экономика в целом – и не она одна – в новой экономической реальности активизирует поиски своего собственного пути развития, учитывающего институционально-хозяйственную своеобычность огромного экономического пространства, наличие в нем множества неповторимых мест, обладающих собственной историей, закономерно претендующих на оригинальность модели своего развития, отвергающих навязываемые им чуждые образцы (Нуреев, 2014; Глазьев, 2015). Наличие такого множества мест превращает результат их интеграционного взаимодействия – целостность экономического пространства всей России – в особенную часть, самобытное место глобального экономического пространства, имеющее природно-ресурсное, производственное, институциональное своеобразие, говоря иначе – свое лицо, историческое предназначение в мире и собственный путь развития, на что справедливо указывал В. Вернадский (Вернадский, 1989).

Приведенные выше результаты позволяют сформулировать следующее определение: место есть простейшая целостность, «клеточка» экономического пространства, с которой начинаются процессы «встраивания» субъектов в

экономику, формируются средства и инструменты перевода их интересов и потребностей в системно-объектные процессы и параметры экономики (организационный, регулятивный, инвестиционный и др.), обеспечивается встречное воздействие этих процессов на формирование системного качества экономического пространства. Место характеризует состояние конкретной части экономического пространства и связанной с этой частью экономической системы – ее рост, инерционное состояние или сворачивание.

ВОЗМОЖНОСТИ МЕСТА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Важным условием развития российской экономики является уровень и направления освоения ее конкретных мест. Разнообразие мест огромного экономического пространства России составляет одновременно и силу, и слабость страны:

- силу – если создаются условия для дальнейшего продуктивного взаимодействия множества неповторимых мест ее пространства;
- слабость – если берут верх местные разногласия, что, в свою очередь, возможно при условии, что русский народ, играющий опорную роль во всей сложной пространственной конструкции страны, проявит вместо готовности и дальше строить многонациональную территориально-хозяйственную систему стремление четко обозначить свое первенство и превосходство над другими народами, что политики начала XX в. квалифицировали как «великорусский шовинизм».

В первом случае территориально-хозяйственная система России может стать одним из «мест силы» глобального экономического пространства, во втором случае она окажется его «местом слабости».

Процессы, характерные для новой реальности, обуславливают дополнительные возможности места, раскрытие которых позволяет существенно ускорить и обеспечить эффективность развития экономического пространства. Действуя в рамках концепции пространственно-временного континуума, прежде всего, определим указанные возможности применительно к взаимодействию пространства и времени.

Определение конкретных «места» и «момента» обеспечивает позиционирование любого хозяйственного процесса в координатах пространства и времени; образно говоря, без этого экономические пространство и время не могут «встретиться» друг с другом. Место – это пространственное «здесь», аналог ему во времени – это «сейчас». «Здесь и сейчас» есть укоренившаяся формула контрактов и властных распоряжений, без которой невозможно их точное исполнение. Ускорение преобразований в данном отношении оз-

начает повышенную изменчивость места, ослабление его устойчивости в экономическом пространстве. Адаптируя это положение к субъектам современной российской экономики, выделим тенденции к быстрому разрушению «доходных позиций» в системе управления, а также к быстрому обесценению тех достижений, которые обеспечили им занятие своих мест на различных уровнях вертикали власти. Подвижность мест в экономическом пространстве возрастает, что сказывается и на участниках рыночных отношений, где на смену жестким организационным формам, рассчитанным на длительное функционирование, приходят мягкие, более адаптивные формы: кластеры, сетевые структуры, гибкие функциональные системы и др. (Глазьев, 2015; Krugman, 2017).

Современные преобразования придают второе дыхание формам этноэкономики, которые длительное время недооценивались: характерное для «места» взаимодействие конкретной части пространства и столь же конкретного человеческого сообщества, единство особых координат хозяйственного процесса и специфического созидательного потенциала народа, который самой историей определен жить в этих координатах (Смит, 2007). Место этноэкономики в экономическом пространстве, считавшееся длительное время сугубо периферийным, коренным образом изменяется, перемещаясь к центру, благодаря появлению ее продвинутых форм, опирающихся на современные технологии и высокоразвитые компетенции людей. В итоге депрессивность многих мест, ранее считавшаяся их устойчивой характеристикой, чуть ли не константой эволюционного процесса, снимается в ходе преобразований, экономическое пространство приобретает новые места развития, а созидательный потенциал народа, живущего здесь – новые формы своего проявления (Юнус, Жоли, 2009).

Ускорение изменений общественно-хозяйственной жизни придает месту большую конкретность, обогащает его в содержательном отношении, что соответствует перелому ранее действовавшей тенденции обезличивания места, сведения его к абстрактным координатам процесса извлечения прибыли, не имевшим для него существенного значения. Благодаря этому место обретает дополнительные возможности, смыслы и функциональные проявления, многие из которых еще не исследованы и потому не реализуются в хозяйственной практике. Укажем лишь на некоторые из таких проявлений:

- проявление места как средоточия объектов собственности, за обладание которым между заинтересованными субъектами разворачивается жесткая конкуренция (борьба за места в процессе генерации и рыночного продвижения инноваций, места на определенном уровне управления, места, приближенные к субъекту собственности, и др.); при этом имеет место капитализация указанных объектов собственности, формируются специаль-

ные механизмы извлечения ренты и особые рынки, на которых такие объекты обращаются (Маркс, Энгельс, 1969);

- проявление места как «топоса» реализации конкретного проекта, который определенным образом составляется, рассчитывается, обеспечивается в отношении его инвестиционной привлекательности, согласуется с интересами конкретных инвесторов, реализуется и создает предпосылки для формирования последующих проектов; данное функциональное проявление обладает обратной связью – реализация многих проектов коренным образом изменяет те места экономического пространства, где она происходит, то есть выполненный проект, в свою очередь, проявляется как новое место экономического пространства, обладающее конкретными преимуществами (Клейнер, 2017);

- проявление места как перспективы дальнейшего рыночного движения конкретных организаций или частных предпринимателей, например, как перспективы устойчивого доминирования с извлечением соответствующей ренты или как перспективы скорого банкротства и потери рыночной доли, капитала, репутации и др.;

- проявление места как полноты или опустошенности общественно-хозяйственной жизни, с притяжением к нему или отталкиванием от него людей, материальных ресурсов, идей, технологий и др. Обилие пустошей характеризует кризисное состояние экономического пространства (Krugman, 1998);

- проявление места как хранилища негативных эффектов эволюционного процесса (нереализованных обязательств ответственности, нерешенных проблем развития, промышленных и бытовых отходов, не обеспеченных эффективными механизмами утилизации и др.) (Торчинова, Ермоленко, 2015).

Некоторые из приведенных выше функциональных проявлений места продуцируют негативные эффекты в экономическом пространстве, что обуславливает задачу разработки адресованных таким проявлениям эффективных компонентов публичной экономической политики (Овчинников, Колесников, 2008; Roubini, 2015).

В условиях новой реальности акцентируется роль места как детерминанта границ бытия конкретных человеческих сообществ в экономическом пространстве, их возможностей изменить условия своей жизни, их эффективности и предприимчивости, хозяйственной свободы, а также настроя на обновление своей жизни. Место задает основные параметры существования указанных сообществ, связывая экономику и человека. Игнорируя специфику места, абстрагируясь от его определенности, мы становимся на путь практического превращения мест нашей жизни в иррациональные пустые места, создаем на Земле зоны «лунного пейзажа». Пустым место становится и тогда, когда в нем сосредоточены безнадежно устаревшие технологии,

компетенции, элементы инфраструктуры, институты; в этом случае оно блокирует развитие экономического пространства, становясь «огороженной» от перемен территорией, где резко снижена активность субъектов, потерявших свою мотивацию. Примером такого «отгороженного» от перемен места является авторитарно управляемая организация, в которой сотрудники сугубо формально выполняют свои обязанности, избегая наказаний и фактически игнорируя импульсы преобразований, поступающие из внешней среды.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЫХ ФАКТОВ С МЕСТ

Поток качественно новых фактов с мест экономического пространства, возникающий в ходе современного развития, обуславливает формирование новых познавательных возможностей категории места и, в свою очередь, потребностей в развитии новых направлений теории экономического пространства, поскольку развитие пространственно-хозяйственной практики предполагает адекватное продвижение в области соответствующей теории (Mises, 1966; Арриги, 2006). Опираясь на данный принцип, определим ряд перспективных направлений развития теории экономического пространства, обусловленных исследованием новых фактов о местах данного пространства:

- направление исследования продуктивности мест экономического пространства, в рамках которого разрабатываются связи между обеспеченностью указанных мест природными ресурсами, технологиями, компетенциями субъектов, элементами инфраструктуры, организационными механизмами и институтами, а также результатами функционирующих в них территориально-хозяйственных систем (Weber, 1978; Rethinking, 2016);
- направление исследования интегрированных субъектов, складывающихся в определенных местах экономического пространства. Современная практика свидетельствует о том, что динамичное развитие интеграционных процессов приводит к появлению новых субъектных форм экономических отношений, в исследовании которых недостаточно оперировать интересами, потребностями, рациональностью индивидов, игнорируя их включенность в состав более сложных и масштабных системно-субъектных образований (корпоративных, кластерных, муниципальных и др.). В условиях глубоких технологических сдвигов традиционная позиция субъектной рациональности как основы поведения и общения людей в рыночной среде закономерно переходит в позицию рациональности интегрированных субъектов, в которую определенным образом встроены высокотехнологичные элементы, в том числе компьютерные программы, обеспечивающие формирование виртуальной

реальности (Leibenstein, 1976; Hayek, 2012; Рязанов, 2016). Спонтанно реагируя на эти изменения, экономическая теория начинает активно использовать математические методы, программные продукты, зачастую теряя при этом человека, не видя его за прочной оболочкой интегрированных корпоративных или пространственных субъектов (Торчинова, Ермоленко, 2015);

- направление исследования особенностей взаимодействия пространства и времени в конкретных местах экономического пространства. Если в одних местах изменения происходят настолько быстро, что время в них буквально «летит», то в других местах ситуация настолько инертна, что время здесь как бы «остановилось»; соответственно, в первом случае люди с трудом поспевают за пространственными изменениями, а во втором случае такие изменения практически неощутимы, что способствует погашению импульсов активности. Представляется, что концепцию пространственно-временного континуума необходимо развить с учетом указанных особенностей мест пространства;

- направление исследования созидательного потенциала, которым обладают различные места экономического пространства, с выделением его основных компонентов: природно-ресурсного, субъектного, технологического, научного, образовательного, инфраструктурного, институционального и др. Без точной оценки указанного потенциала невозможно обеспечить потребности выдвижения стратегических целей развития современных территориально-хозяйственных систем. Правомерно предположить, что торможение в реализации амбициозных национальных проектов социально-экономического развития России отчасти обусловлено тем, что они обладают недостаточной «привязкой» к конкретным местам их реализации в пространстве страны. Здесь востребованы указанные выше возможности маркетинга мест, позволяющие заранее, еще в процессе разработки соответствующих стратегий и проектов развития, заинтересовать в них потенциальных инвесторов. «Игра на опережающее рыночное продвижение» становится одним из императивов политики местного развития.

ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С РАЗРАБОТКОЙ КАТЕГОРИИ МЕСТА В ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Обобщая приведенные положения и учитывая условия новой реальности, определим прикладные задачи в разрезе исследуемой проблемы:

- задача классификации мест экономического пространства, решение которой даст возможность систематизировать их; представляется, что для ее решения востребован разграничительный признак скорости изменений,

происходящих в различных местах, поскольку именно динамика реакции на импульсы преобразований, исходящие из внешней среды, характеризует возможности указанных мест в развитии современной экономики;

- задача паспортизации мест экономического пространства, решение которой позволит описать указанные места и подготовить исходные данные для включения их в программы и проекты развития территориально-хозяйственной системы России. Целесообразно положить в основу такого описания модель сбалансированной системы показателей (Kaplan, Norton, 2001);

- задача анализа и прогнозирования продуктивности мест экономического пространства, в основу решения которой целесообразно положить современную редакцию производственной функции, что даст возможность исследовать функциональную зависимость продуктивности этих мест от основных факторов, воздействующих на их общественно-хозяйственные процессы;

- задача адаптации механизмов публичного управления и форм организации отношений участников рынка к особенностям конкретных мест, результаты которой позволят повысить эффективность пространственного управления. Для решения этой задачи востребованы результаты классификации мест экономического пространства, а также итоги их паспортизации и оценки продуктивности (Херападаас, 2010);

- задача разработки стратегий местного развития, для решения которой востребованы результаты систематизации мест экономического пространства, а также итоги их паспортизации и анализа их продуктивности (Коломак, 2019). Представляется, что негативные результаты реализации комплекса территориальных стратегий социально-экономического развития на период до 2020 г. обусловлены тем, что разработчики этих стратегий абстрагировались от местных различий в условиях их реализации, взяв за основу усредненные данные о развитии регионов-субъектов современной России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя приведенные в данной статье положения и выводы, сформулируем общее заключение о сущности категории «место» и необходимости ее углубленной разработки в теории экономического пространства.

Во-первых, данная категория максимально сближает взаимодействие субъектной и объектной сторон экономического пространства, позволяя раскрыть «предельные» условия эффективно действующей экономики. В этом плане место, преломляя в себе характеристики экономического пространства, дает возможность оценить общее состояние и тенденции изменения экономической системы, которая «привязана» к нему – роста, инерции или упадка такой системы.

Во-вторых, благодаря категории места возникают новые возможности продуктивного взаимодействия макро- и микроэкономической теории, в том числе возможности концептуализации синтеза локального и национального (а в пределе – и глобального) экономического пространства.

В-третьих, с помощью категории места выявляются существенные связи экономической деятельности с культурой, особенностями социальных коммуникаций, научной и экономической картинами мира и др.

В-четвертых, категория места позволяет раскрыть структурные аспекты экономического пространства, важные для осуществления структурных преобразований в национальной и территориальной экономиках.

В-пятых, место формирует исходную позицию экономической географии, обеспечивая потребности ее структуризации и разграничения процессов, описываемых ей, придавая географическую смысловую нагрузку различным проектам пространственного развития.

Таким образом, осмысление возможностей, которыми обладает категория места в теории экономического пространства под углом зрения сложных трансформационных процессов в современной общественно-хозяйственной жизни, позволяет обеспечить получение продвинутых результатов теоретико-экономических исследований и разработку соответствующих прикладных рекомендаций.

Полученные авторами результаты относятся к одному из новых и перспективных направлений социально-экономических исследований, что обуславливает новизну и дискуссионный характер положений, выводов и рекомендаций, представленных в данной статье. Авторы выражают надежду, что их статья активизирует научный поиск на этом направлении экономических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
- Бияков О.А.* Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. 152 с.
- Бодрунов С.Д.* Российская экономическая система: будущее современного высокотехнологического производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2 (40). С. 5–16.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
- Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000. 448 с.
- Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
- Гелбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. 408 с.
- Глазьев С.Ю.* Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 190. № 1. С. 37–45.

- Гранберг А.Г. Региональная экономика. М.: Наука, 2003. 476 с.
- Гульбасов А.В., Чекмарев В.В. Теория экономического пространства. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2006. 167 с.
- Ермоленко А.А., Брижак О.В. Концепт конформизма: новые возможности в исследовании трансформации экономических отношений // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 92–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-3-92-105>
- Иниаков О.В., Фролов Д.П. Экономическое пространство и пространственная экономика // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31). С. 174–180.
- Клейнер Г.Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 13–24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-8-56-74>
- Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
- Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Экономика, 1969. 376 с.
- Леш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 664 с.
- Маклуэн М.Г. Галактика Гутенберга (Происхождение типографского человека) / пер. и науч. ред. В.И. Постникова. М.: Прогресс, 2001. 256 с.
- Мамедов О.Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 236 с.
- Мамедов О.Ю. Экономика инклюзивной цивилизации // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18>
- Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1969. С. 455–473.
- Матвеев М.М. Теоретические основы концепции социоэкономического пространства // Вопросы инновационной экономики. 2011. Т. 1. № 5. С. 43–50.
- Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020>
- Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39. <https://doi.org/10.14530/se.2014.1.012-039>
- Наумов С.В. Основы теоретического исследования экономического пространства. М.: Весь Мир, 2019. 192 с.
- Наумов С.В. Управление международной конкурентоспособностью в системе первоочередных практических задач модернизации экономики России. М.: Весь Мир, 2013. 128 с.
- Нуреев Р.М. Периферия мирового хозяйства // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 1. С. 123–149.
- Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 256 с.
- Платон. Государство // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Серия «Философское наследие». М.: Мысль, 1994. 654 с.
- Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Наука, 2003. 236 с.
- Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
- Скибицкий М.М. Философия экономики: становление, структура и современные функции // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 8–15.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- Торчинова О.В., Ермоленко А.А. Феномен социальной ответственности в условиях развития интеграционных процессов. Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2015. 278 с.
- Тюнел И.Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 356 с.

- Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Высшая школа экономики, 2012. 352 с.
- Юнус М. Создавая мир без бедности: социальный бизнес и будущее капитализма. М.: Альпина Паблишерз, 2009. 307 с.
- Capello R. Space, Growth and Development: A Historical Perspective and Recent Advances // Handbook of Regional Growth and Development Theories / Edited by R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2019. Pp. 24–47.
- Fog A. Towards a Universal Theory of Competition and Selection. Working Paper Technical University of Denmark. 2013. 4 July. 37 p. URL: https://agner.org/cultsel/universal_competition_theory.pdf (дата обращения: март 2020).
- Foster J. Evolutionary Macroeconomics. London: Allyn & Unwin, 1987. 314 p.
- Hayek F. Individualism and Economic Order. Chicago: The University of Chicago Press, 2012. 280 p.
- Kaplan R.S., Norton D.P. The Strategy-Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment. Boston: Harvard Business School Press, 2001. 400 p.
- Krugman P. Space: The Final Frontier // Journal of Economic Perspectives. 1998. Vol. 12. No. 2. Pp. 161–174. <https://doi.org/10.1257/jep.12.2.16>
- Krugman P. On Economic Arrogance // New York Times. 2017. 20 February.
- Leibenstein H. Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 297 p.
- Marshall A. Principles of Economics. London: Macmillan, 1920. 871 p.
- Meen G. Spatial Housing Economics: A Survey // Urban Studies. 2016. Vol. 53. Issue 10. Pp. 1987–2003. <https://doi.org/10.1177/0042098016642962>
- Mises L. Human Action: A Treatise on Economics. Chicago: Contemporary Books Inc., 1966. 256 p.
- Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth / Edited by M. Jacobs, M. Mazzucato. London: Wiley-Blackwell, 2016. 224 p.
- Roubini N. The Unconventional Truth // Azernews. 2015. 3 February. URL: <https://www.azernews.az/analysis/76933.html> (дата обращения: март 2020).
- Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. University California Press, 1978. 1469 p.
- Xepapadeas A. The Spatial Dimension in Environmental and Resource Economics // Environment and Development Economics. 2010. Vol. 15. Issue 6. Pp. 747–758. <https://doi.org/10.1017/S1355770X10000355>

REFERENCES

- Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times*. Moscow, 2006, 472 p. (In Russian).
- Biyakov O.A. *The Theory of Economic Space: Methodological and Regional Aspects*. Tomsk, 2004, 152 p. (In Russian).
- Bodrunov S.D. Russian Economic System: The Future of High-Tech Material Production. *Ekonomicheskoe Vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2014, no. 2 (40), pp. 5–16. (In Russian).
- Braudel F. *Civilization and Capitalism 15th–18th Century, Vol. 3: The Perspective of the World*. Moscow, 1988, 672 p. (In Russian).
- Capello R. Space, Growth and Development: A Historical Perspective and Recent Advances. *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. Edited by R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2019, pp. 24–47.

- Ermolenko A.A., Brizhak O.V. The Concept of Conformism: New Possibilities in the Study of Transformation of Economic Relations. *Terra Economicus = Terra Economicus*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 92–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-3-92-105> (In Russian).
- Fog A. *Towards a Universal Theory of Competition and Selection. Working Paper Technical University of Denmark*, 2013, 4 July, 37 p. Available at: https://agner.org/cultsel/universal_competition_theory.pdf (accessed March 2020).
- Foster J. *Evolutionary Macroeconomics*. London: Allyn & Unwin, 1987, 314 p.
- Galbraith J.K. *Economics and the Public Purpose*. Moscow, 1976, 408 p. (In Russian).
- Glaz'ev S.Yu. Developing a New Institutional System in Conditions of Change of the Dominant Technological Modes. *Nauchnye Trudy Volnogo Ekonomicheskogo Obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2015, vol. 190, no. 1, pp. 37–45. (In Russian).
- Granberg A.G. *Regional Economy*. Moscow, 2003, 476 p. (In Russian).
- Gulbasov A.V., Chekmarev V.V. *Theory of Economic Space*. Kostroma, 2006, 167 p. (In Russian).
- Hayek F. *Individualism and Economic Order*. Chicago: The University of Chicago Press, 2012, 280 p.
- Inshakov O.V., Frolov D.P. Economic Space and Spatial Economy. Reflection above New Economic Magazine. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 2005, no. 4 (31), pp. 174–180. (In Russian).
- Kaplan R.S., Norton D.P. *The Strategy-Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment*. Boston: Harvard Business School Press, 2001, 400 p.
- Kleiner G.B. From the Economy of Individuals to Systemic Economy. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*, 2017, no. 8, pp. 13–24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-8-56-74> (In Russian).
- Kolomak E.A. Spatial Development of Russia in XXI Century. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 85–106. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106> (In Russian).
- Kolosovsky N.N. *The Theory of Economic Zoning*. Moscow, 1969, 376 p. (In Russian).
- Krugman P. *On Economic Arrogance*. New York Times, 2017, 20 February.
- Krugman P. Space: The Final Frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 1998, vol. 12, no. 2, pp. 161–174. <https://doi.org/10.1257/jep.12.2.16>
- Leibenstein H. *Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics*. Cambridge: Harvard University Press, 1976, 297 p.
- Lösch A. *The Spatial Organization of the Economy*. Moscow, 2007, 664 p. (In Russian).
- Mamedov O.Y. Economy of Inclusive Civilization. *Terra Economicus = Terra Economicus*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 6–18. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18> (In Russian).
- Mamedov O.Y. *Mixed Economy. Two-Sector Model*. Rostov-on-the-Don, 2001, 236 p. (In Russian).
- Marshall A. *Principles of Economics*. London: Macmillan, 1920, 871 p.
- Marx K., Engels F. *Capital. Vol. 1*. Moscow, 1969, pp. 455–473. (In Russian).
- Matveev M.M. Theoretical Bases of the Concept of Socio-Economic Space. *Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*, 2011, vol. 1, no. 5, pp. 43–50. (In Russian).
- McLuhan H.M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Translated by V.I. Postnikov. Edited by V.I. Postnikov. Moscow, 2001, 256 p. (In Russian).
- Meen G. Spatial Housing Economics: A Survey. *Urban Studies*, 2016, vol. 53, issue 10, pp. 1987–2003. <https://doi.org/10.1177/0042098016642962>

- Minakir P.A. Economic Analysis and Measurements: Spatial Case. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2014, no. 1, pp. 12–39. <https://doi.org/10.14530/se.2014.1.012-039> (In Russian).
- Minakir P.A. Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 4, pp. 8–20. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020> (In Russian).
- Mises L. *Human Action: A Treatise on Economics*. Chicago: Contemporary Books Inc., 1966, 256 p.
- Naumov S.V. *Fundamentals of Theoretical Research of Economic Space*. Moscow, 2019, 192 p. (In Russian).
- Naumov S.V. *Managing of International Competitiveness in the System of Priority Practical Tasks of Modernization the Russian Economy*. Moscow, 2013, 128 p. (In Russian).
- Nureev R.M. Genesis of the World-System Periphery (Considering Experience of South Asia). *Terra Economicus = Terra Economicus*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 123–149. (In Russian).
- Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. *Silhouettes of Regional Economic Policy in the South of Russia*. Rostov-on-the-Don, 2008, 256 p. (In Russian).
- Plato. *The Republic. Collected Works. In 4 Volumes. Volume 3*. Moscow, 1994, 654 p. (In Russian).
- Pososhkov I.T. *The Book about Poverty and Wealth*. Moscow, 2003, 236 p. (In Russian).
- Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth*. Edited by M. Jacobs, M. Mazzucato. London: Wiley-Blackwell, 2016, 224 p.
- Roubini N. The Unconventional Truth. *Azernews*, 2015, 3 February. Available at: <https://www.azernews.az/analysis/76933.html> (accessed March 2020).
- Ryazanov V.T. (Not)Real Capitalism. *Political Economy of the Crisis and its Consequences for the World Economy and Russia*. Moscow, 2016, 695 p. (In Russian).
- Schumacher E.F. *Small Is Beautiful: A Study of Economics As If People Mattered*. Moscow, 2012, 352 p. (In Russian).
- Skibitskiy M.M. Philosophy of Economics: Formation, Structure and Modern Functions. *Gumanitarnye Nauki [Humanities]*, 2012, no. 4 (8), pp. 8–15. (In Russian).
- Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow, 2007, 960 p. (In Russian).
- Thunen J.H. *The Isolated State*. Moscow, 1926, 356 p. (In Russian).
- Torchinova O.V., Ermolenko A.A. *The Phenomenon of Social Responsibility in the Context of the Development of Integration Processes*. Krasnodar, 2015, 278 p. (In Russian).
- Vernadsky V.I. *The Biosphere and the Noosphere*. Moscow, 1989, 261 p. (In Russian).
- Walras L. *Elements of Pure Economics*. Moscow, 2000, 448 p. (In Russian).
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. University California Press, 1978, 1469 p.
- Xepapadeas A. The Spatial Dimension in Environmental and Resource Economics. *Environment and Development Economics*, 2010, vol. 15, issue 6, pp. 747–758. <https://doi.org/10.1017/S1355770X10000355>
- Yunus M. *Creating a World Without Poverty: Social Business and the Future of Capitalism*. Moscow, 2009, 307 p. (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 11.02.2020

Принята к публикации / Revised: 31.03.2020

Опубликована online / Published online: 30.06.2020